

ТЕАТРАЛЬНЫЙ И МУЗЫКАЛЬНЫЙ ВЪСТНИКЪ.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

№ 59.

5 ОКТЯБРЯ 1858.

Выходитъ одинъ разъ въ недѣлю (по воскресеньямъ). | Цѣна 10 руб. въ годъ; съ доставкою на домъ 11 руб. сер. |
пногородные прилагаютъ за пересылку 1 руб. 50 коп.

Принимается подписка на получение Т. и М. Вѣстника въ предстоящемъ 1859 г.

въ Конторѣ журнала, находящейся въ С. Петербургѣ, при музыкальномъ магазинѣ Ф. Стелловскаго, въ Большой Морской, д. Лауферта; въ Газетныхъ Экспедиціяхъ; въ Москвѣ, въ музыкальномъ магазинѣ Ленгольда и въ книжномъ Базунова.

КРОМЪ 51 НУМЕРА ТЕКСТА, при Вѣстникѣ *еженедѣльно* будутъ прилагаемы МУЗЫКАЛЬНЫЯ ПІЕСЫ: музыки классической, салонной, для пѣнія, въ 4 руки и для танцевъ, извѣстнѣйшихъ композиторовъ; въ теченіе года ОГДЪ 70-ти ДО 80-ти ПІЕСЪ.

Будутъ приложены: ТРИ ПОРТРЕТА ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ АРТИСТОВЪ.

Подписавшіеся на 1859 годъ получаютъ немедленно при взносѣ подписныхъ денегъ, а гг. пногородные, по высылкѣ

Редакція находится въ Офицерской улицѣ, близъ Большаго Театра, въ домѣ Купнера, кв. № 23.

требованія на получение Т. и М. Вѣстника, съ первою отходящею почтою, въ видѣ преміи, полную оперу: «МАРТА», въ двѣ руки, для фортепіано.

При 1 № (за январь) будетъ приложенъ ИЗЯЩНЫЙ АЛЬБОМЪ, составленный изъ танцевъ извѣстныхъ балетныхъ композиторовъ: Страуса, Гунгля, Бальзе, Фарбаха, Лядова и др.

ТЕАТРАЛЬНЫЯ ПІЕСЫ будутъ издаваться по-примѣру нынѣшняго года *ежемесячно* отдѣльными книжками.

Къ 39-му № прилагаются: «Reminiscence-Polka» князя Мещерскаго, играемая оркестромъ Ивана Гунгля и «Lilly Dale» air américain, varié par S. Thalberg.

Содержаніе: Театральная лѣтопись (М. Раппанорта и К. Званцова). — Биографическія замѣтки о г-жѣ Феррарисъ. — Замѣчательныя пѣвицы. — Письмо съ того свѣта кавалера Глука къ г. Ламартину. — Иностраннѣй Вѣстникъ.

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Въ четвергъ (25-го сент.) дана въ первый разъ: *Женихъ изъ долговаго отдѣленія*, комедія въ одномъ дѣйствіи, соч. г. Чернышева, молодаго артиста русской труппы, обратившаго, въ послѣднее время, вниманіе публики въ драмѣ г. Потѣхина (Чужое добро въ прокъ не идетъ) вполне удачнымъ воспроизведеніемъ личности стараго ямщика... Мы недавно говорили объ успѣшномъ выполненіи этой роли, теперь съ удовольствіемъ прибавляемъ, что г. Чернышевъ является при этомъ и сценическимъ писателемъ... Названная піеса г. Чернышева первый литературный опытъ и потому не будемъ слишкомъ строги къ нему... но во всякомъ случаѣ не можемъ не замѣтить, что содержаніе піесы чисто волевильное, легкое, заимствованное изъ случайныхъ явленій

жизни и мы никакъ не согласимся, вмѣстѣ съ авторомъ, назвать ее комедіею. Отъ комедіи требуется болѣе серьезной, глубокой мысли, охватывающей, такъ сказать, все содержаніе піесы, отражающей въ каждомъ разговорѣ, въ каждой сценѣ; въ піесѣ г. Чернышева особенно глубокой мысли не видно; въ ней представляется странный случай, разыгравшійся съ одною энциентричною, сантиментальною, а главное полуобразованною вдовою барынею, ярославскою помѣщицею Грязовскою (г-жа Липская), до того помѣшанной на лермонтовскомъ «Героѣ нашего времени», что, не смотря на свои сорокалѣтнія подкрашенныя прелести, она только и думаетъ, какъ бы выдти за-мужъ за человека, совершенно похожаго на Печорина. Въ Ярославлѣ она не могла найти такого лица, при всемъ своемъ богатствѣ, и потому переѣхала въ Петербургъ, гдѣ остановилась у брата своего, пятидесятилѣтняго вдовца Чежина (г. Григорьевъ 1-й)... Братъ простой, смертнѣйшій человекъ, и сразу не замѣтилъ, что его милая сестрица слишкомъ ужъ не подлѣтамъ мечтательна и восторжена, но, такъ какъ ей хотѣлось за-мужъ, то онъ затѣялъ выдать ее за одного стараго своего знакомаго, отставнаго чиновника Ладыжкина (г. Мартыновъ): для этого онъ выписалъ его изъ долговаго отдѣленія, куда онъ былъ посаженъ заимодавцами, въ томъ числѣ и самимъ Чежинымъ, которому долженъ былъ Ладыжкинъ 250 рублей... Освобождая должника изъ тюрьмы, Чежинъ думалъ такимъ образомъ выручить свои деньги, которыя онъ считалъ потерянными... Между тѣмъ Грязовская успѣла уже пайти Печорина, въ домѣ же брата, въ лицѣ его жильца Счаст-

пева (г. Максимовъ 1-й), и, не зная, что онъ женатъ (онъ жилъ врозь съ своею женою и ожидалъ смерти ея, чтобъ избавиться отъ своей мучительницы), усердно стала преслѣдовать его своими сладчайше-вдовыми пѣжностями, такъ что тотъ не знаетъ куда дѣваться отъ нея... Къ несчастью Счастлива, Грязновская не только не догадывается о его равнодушіи къ ней, но, вслѣдствіе сватовства Ладыжкина, еще болѣе начинаетъ преслѣдовать новаго Печорина... Здѣсь авторъ запутываетъ содержаніе пьесы и хочетъ оставить зрителя въ недоумѣніи до самаго конца... да только это выходитъ несовѣтъ ловкее... Зритель сразу видитъ, что Грязновская слишкомъ некетати недогадлива въ 40 лѣтъ и не понимаетъ, какъ она не хочетъ убѣдиться, что за нее сватается оборванный, голодный Ладыжкинъ, человѣкъ пожилой, немолодой, безъ всякаго образованія и особенно безъ паружнаго лоску и театральности, что особенно правилось вдовѣ въ герояхъ-мужчинахъ...

Ладыжкинъ дѣйствуетъ слишкомъ прямо и даже неуклюже-откровенно... Онъ ясно говоритъ о себѣ, что питаетъ къ ней привязанность, въ подтвержденіе чего два раза даже становится на колѣни... Но Грязновская, мечтающая о Счастивѣ, вообразила, что Ладыжкинъ хлопочетъ о своемъ другѣ и отъ его имени проситъ ея руки для друга же—Счастлива: sentimentalная двова, неизвѣстно почему, считаетъ Ладыжкина другомъ своего Печорина, который повѣряетъ ему все свои тайны... Вслѣдствіе этого въ домѣ общее недоразумѣніе... Ладыжкинъ воображаетъ себя женихомъ Грязновской; — Чежинъ считаетъ возвращенными уже потерянные свои деньги; на радостяхъ, онъ даже даетъ Ладыжкину, въ счетъ будущаго, еще нѣсколько денегъ и кромѣ того позволяетъ ему разорвать свой долговой вексель... Счастивѣ убѣжденъ, что послѣ сватовства Ладыжкина, Грязновская оставила его въ покоѣ... Наконецъ (долженъ же быть конецъ всему...) разъясняется недоразумѣніе... Чежинъ, въ присутствіи Грязновской, поздравляетъ ее съ женихомъ и называетъ Ладыжкина... Грязновская—внѣ себя отъ досады и уѣзжаетъ отъ брата... Чежинъ требуетъ назадъ отъ Ладыжкина деньги... и грозитъ ему опять долговымъ отдѣленіемъ, куда тотъ и отправляется... Одинъ Счастивѣ доволенъ: онъ получилъ письмо о смерти жены своей и бѣжитъ изъ дому Чежина...

Какъ первый опытъ, пьеса г. Чернышава пріятное явленіе; конечно, она много выиграла на сценѣ отъ превосходнаго исполненія такими артистами, какъ г-жа Липская и гг. Максимовъ, Мартыновъ и Григорьевъ. Г-жа Липская типически представила новую личность своего амплуа, — сорокалѣтнюю фантазерку, постоянно толкующую о стихахъ, возвышенныхъ чувствахъ и, кажется, о лулѣ... Артистка придала сильный отгѣнокъ новой своей роли и была вѣрна темѣ до конца пьесы, — особенно хороша она была во время sentimentalничанья съ Счастивымъ и недоразумѣнія съ Ладыжкинымъ... Г. Максимовъ 1-й очень удачно гримировался и совершенно вѣрно передалъ личность растеряннаго человѣка вслѣдствіе тяжелой, грустной жизни, отравленной выходками скряги-жены. Г. Мартыновъ смѣшилъ въ продолженіе всей пьесы манерами мѣшковатаго, неуклю-

жаго жениха: много было правды въ его суетливости, недовѣрчивости къ самому себѣ и особенно въ самомъ сватовствѣ... Г. Григорьевъ удачно олицетворилъ сухаго, черстватаго человѣка, готоваго пожертвовать сестрою для какихъ нибудь 250 рублей... Артисты все вызывали были... вызвали (два раза) также и автора, и слѣдовательно, пьеса имѣла успѣхъ. Театръ былъ полонъ.

Драма гг. Ожје и Фуэцие «Les Lionnes pauvres» (*бѣдныя львицы*, или правильнѣе, *небогатыя львицы*) надѣлавшая столько шуму въ Парижѣ, явилась на сценѣ Михайловскаго Театра, въ прошедшее воскресенье, въ бенефисъ г-на Леона. Замѣчательное это произведеніе было представлено въ 1-й разъ въ Парижѣ въ маѣ мѣсяцъ и тогда же мы представили читателямъ нашимъ подробный отчетъ, разсказавъ и содержаніе; теперь намъ остается только сказать нѣсколько словъ о впечатлѣніи, произведенномъ новой пьесой на нашу публику и объ исполненіи. Какъ извѣстно, авторы (*Бѣдныя львицы*) съ трудомъ добились разрѣшенія представить свою пьесу на сценѣ театра *du Vaudeville*. Парижская цензура долго не рѣшалась пропустить пьесу и, только благодаря хадатайству принца Наполеона, на этотъ разъ авторы восторжествовали. Причина оппозиціи заключалась въ томъ, что въ пьесѣ слишкомъ рѣзко и свободно выведены на общее позорище тѣ изъ порочныхъ женщинъ (принадлежащихъ обществу), которыя, ради того, чтобы блеснуть въ свѣтѣ, ради туалета, бриллиантовъ, экипажей и пр. и пр., жертвуютъ семейнымъ счастіемъ и совѣстию, забываютъ самыя священныя обязанности, предаваясь пороку. Но, главное, это женщины замужнія, состояніе которыхъ далеко не достаточно, чтобъ удовлетворить все ихъ прихотямъ, и которыя самымъ ничтожнымъ образомъ обманываютъ своихъ мужей—труженниковъ, увѣренныхъ въ ихъ добродѣтели. Это женщины, считающія долгомъ быть вездѣ, т. е. показываться тамъ, гдѣ этого требуетъ хорошій тонъ, какъ то: на скачкахъ, въ Булонскомъ лѣсу, на первыхъ представленіяхъ, и которыя въ особенности употребляютъ все усилія блеснуть своей эксцентричностью, но у которыхъ недостаетъ для всего этого состоянія. Но выраженію Бурдигона (г. Бертеона), резонера пьесы, высказывающаго отъ имени авторовъ много горькой истины, подобныя женщины принадлежатъ къ классу бѣдныхъ львицъ, начинающихъ обыкновенно свои низкіе поступки съ того дня, когда разорили мужа. Онѣ ловко обманываютъ легковѣрнаго, добродушнаго супруга, пріобрѣтая роскошные принадлежности своего туалета и комфорта вообще всегда будто бы по-случаю необыкновенно дешево; несчастный мужъ продолжаетъ трудиться въ потѣ чела, въ полной увѣренности, что обожаемая жена веселится на его деньги, и не подозревая, что онъ самъ живетъ на-счетъ другаго. — Бѣдныя львицы, подъ маской честныхъ, семейныхъ женщинъ, пользуются званіемъ замужнихъ женщинъ, имѣютъ доступъ вездѣ и перѣлко присутствіемъ своимъ позорятъ честные семейные кружки. Какъ мы сказали уже, авторы представили подобныхъ женщинъ въ полномъ блескѣ ихъ величія и низости, не щадя ничего и, ради вѣрнаго изображенія представляемой ими личности, часто жертвуя даже правилами приличія. Въ пьесѣ вы-

сказано много сильныхъ мыслей о женщинахъ, женщины же вообще, по все это высказано уже слишкомъ свободно, резко, и не удивительно, что пьеса встрѣтила сопротивление. Въ Парижѣ къ сожалѣнію много подобныхъ женщинъ и конечно одна изъ главнѣйшихъ ранъ парижской общественной жизни слишкомъ свободно, безцеремонно затрогнута была авторами, которые придерживались правила (высказаннаго въ пьесѣ Поммо, несчастнымъ мужемъ), что истинное назначеніе комедіи—казнить пороки гласно, обнаруживая его во всей силѣ, а не потворствовать ему молчаніемъ. Вѣрныя этому правилу, они написали пьесу не для препровожденія времени, имѣющую цѣлю не удовольствіе, а единственно горькій для многихъ урокъ. Авторы достигаютъ вполне своей цѣли, но опять-таки мы должны повторить, что отрицательная сторона пьесы можетъ только возбудить въ зрителѣ чувство отвращенія и въ особенности въ тѣхъ изъ зрительницъ, которыя своими мыслями и чувствами резко отдѣляются отъ героини пьесы. Въ Парижѣ пьеса имѣетъ болѣе характеръ мѣстный и не удивляемся, что произвела на публику сильное впечатлѣніе, тѣмъ болѣе что была оппозиція, а гдѣ оппозиція—любопытство обыкновенно увеличивается, но у насъ, къ счастью, *блѣдныхъ львицъ* весьма мало, въ особенности въ родѣ героини гг. Ожье и Фуссіе, и конечно пьеса ихъ прослушана была съ вниманіемъ, какъ произведеніе талантливыхъ писателей; многимъ мѣстамъ даже рукоплескали, но особеннаго впечатлѣнія на нашу публику она не произвела, притомъ и разыграна была вообще не совсемъ удачно и удержалась только благодаря усиліямъ и образцовой игрѣ г-жи Напталъ Рио и г-на Бертона. Прочія лица исполнили свои роли слабо. Г. Мондидье (въ роли Поммо—обманутаго мужа) слишкомъ напоминалъ героя мелодрамы; г-жа Мальвина нѣсколько резко уже представила личность блѣдной львицы, придавъ ей болѣе характеръ обыкновенной камелин, чѣмъ женщины, которая должна скрывать свои недостатки подъ маскою приличія. Г-нъ Леонъ (въ роли Лекаріе — невѣрнаго мужа и друга) былъ, по нашему мнѣнію, вялъ, хотя, по правдѣ сказать, и самая-то роль неблагодарная. Повторяемъ, несравненная, высоко-художественная игра г-и и Рио (въ роли благородной, обманутой мужемъ и подрукою женщины) и г. Бертона поддержали интересъ и, какъ намъ кажется, пьеса только и можетъ удержаться въ репертуарѣ благодаря ихъ игрѣ. Бенефисъ г. Леона заключился лужи уморительными фарсами, въ которыхъ трудно добиться смысла, но которыя невольно заставляютъ зрителя хохотать до слезъ. Подобныя пьесы удаются только Французамъ и, несмотря на нелѣпость своего содержанія, обыкновенно забавны; критикѣ тутъ нечего дѣлать, сухой разсказъ содержанія тоже незанимателенъ,—однимъ словомъ, о пьесахъ въ такомъ родѣ говорить нечего, ихъ нужно видѣть. Въ особенности пародія на знаменитое *ut-dièze* Тамберлика вполне достигла своей цѣли смѣшить публику, тѣмъ болѣе, что знаменитаго пѣвца представляетъ крестьянинъ *Jean Bernique* г-нъ Верне, а въ роли отчаяннаго меломана явился г-нъ Демениль. «*Ran, ran! c'est la fortune*» тоже забавный фарсъ, но ни въ какомъ случаѣ не

комедія, какъ его называли авторы, и конечно обязанъ своимъ успѣхомъ премиленнымъ куплетамъ и увлекательной игрѣ г-жи Мила и гг. Дешана и Тетара. Г-жа Мила, по обыкновенію, была очаровательна въ лицѣ красивой молочницы.

Въ понедѣльникъ, на Большомъ Театрѣ, давали *Traviata* и театръ былъ опять наполненъ съ верха до низу. Это одна изъ лучшихъ ролей г-жи Бозио и время не въ состояніи ослабить восторгъ нашихъ меломановъ. *Traviata* обязана своимъ продолжительнымъ успѣхомъ несравненной нашей примадоннѣ. Еще ни одна пѣвица не пользовалась у насъ такою единодушной любовью публики, какъ г-жа Бозио. Она возвращается къ намъ въ четвертый разъ и восторгъ публики все увеличивается. Дѣйствительно, не говоря уже объ искусствѣ, въ голосѣ ея и въ самой личности есть что-то особенно-симпатичное, постоянно располагающее слушателя. Г-нъ Кальцолари явился въ первый разъ по возвращеніи; его встрѣтили какъ пѣвца, достоинства котораго наконецъ оцѣнили. Мы всегда уважали и уважаемъ г-на Кальцолари, какъ одного изъ немногихъ представителей прежней хорошей школы, о которой въ настоящее время осталось одно только преданіе. При нынѣшнемъ состояніи искусства пѣнія, г-жу Бозио и г. Кальцолари нельзя довольно оцѣнить, — это незамѣнимые артисты. Г. Еверади исполнилъ роль отца съ успѣхомъ, хотя, какъ вокалистъ, отвѣно нашему мнѣнію болѣе на-мѣстѣ въ Россійскихъ операхъ.

Р. С. Въ четвергъ, въ бенефисъ г. Марселя, давали «Армиду», а въ пятницу для выхода гг. Ронкони и Марини «Севильскаго цирюльника». Объ этихъ спектакляхъ поговоримъ въ слѣдующемъ номерѣ.

М. РАППАПОРТЬ.

Обновившуюся дѣятельность на Нѣмецкой нашей сценѣ слѣдуетъ преимущественно приписать новому режиссеру г. Голланду, который въ тридцатыхъ годахъ восхищалъ здѣшнихъ меломановъ въ тогдашней Нѣмецкой оперѣ, особенно въ *Фенелль*, и въ послѣдствіи довольно долго былъ лучшимъ украшеніемъ драматической Нѣмецкой труппы. Просвѣщенному попеченію его мы вѣроятно и впредь обязаны будемъ ея успѣхами, отъ которыхъ едва-ли не исключительно зависитъ водвореніе въ публикѣ хорошаго вкуса: вѣдь Шекспира, Гёте, Кальдерона, Шиллера почти не увидишь ни на Михайловскомъ театрѣ, ни на Александринскомъ; и Грибоѣдовъ весьма справедливо сказалъ,

Что намъ безъ Нѣмцевъ нѣтъ спасенья.

Въ бенефисъ г. Фихтмана (въ субботу 27 сентября) представлена была Французская, страшная драма *Die Ritter de Nebels*, въ 5-ти дѣйствіяхъ и 10-ти картинахъ, съ музыкой, танцами, новыми декорациями и проч. Публики было такъ много, что за экипажами нельзя было добратся до Цирка; впрочемъ, кто и добрался до него, тотъ не нашелъ въ каскѣ ни одного билета! И такъ, вмѣсто подробнаго отчета о *Рыцаряхъ тумана*, приходится оставить этихъ рыцарей въ туманѣ—до будущихъ occasій, и сказать только нѣсколько словъ еще объ одномъ новомъ актерѣ г. Лобе, ко-

того миѣ удалось видѣть въ оригинальной комедіи *Der letzte Trumpf*. Исполненіе этой живой, забавной пьесы было превосходно, въ высокомъ смыслѣ безукоризненно! Довольно сказать, что сверхъ пріѣзжаго г. Лобе, тутъ участвовали: г-жи Шёнгофъ, Толлертъ-Юнке и Элерсъ, гг. Толлертъ, Фихтманъ, и всѣ вмѣстѣ составили *ensemble*, которому могла бы позавидовать любая сцена. Хотя г. Лобе ни паружностью, ни характеромъ игры своей не возбуждалъ во миѣ симпатіи, но отлагая въ сторону всякія личныя предубѣжденія, должно сознаться, что это актеръ, выходящій изъ ряда обыкновенныхъ—это въ полномъ смыслѣ артистъ. Впрочемъ, въ г. Лобе такое же самое отсутствіе прямой, беззаботной веселости, какъ и въ г. Кюнкъ; это общее свойство всѣхъ почти Нѣмецкихъ комиковъ, если они не фарсееры: они черезъ-чуръ умины, черезъ-чуръ заняты своимъ дѣломъ. Физиогномія у г. Лобе довольно Оріентальная; волосы черны, какъ смоль; онъ не великъ ростомъ, худощавъ и сложенъ весьма деликатно.

К. ЗВАНЦОВЪ.

БИОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ О Г-ЖѢ ФЕРРАРИСЬ.

Г-жа Амалія Феррарисъ, біографія которой была обѣщана на нынѣшній номеръ Т. и М. Вѣстника, въ скоромъ времени, какъ извѣстно читателямъ нашимъ, будетъ дебютировать на сценѣ Большаго Театра, гдѣ безъ сомнѣнія ожидаютъ ее новыя триумфы. Родина г-жи Феррарисъ—Италія,—страна, въ которой наиболѣе сохранилось чистое служеніе танцовальному искусству,—страна, изъ которой вышли лучшія балетныя артистки, танцующія въ настоящее время на всѣхъ главныхъ сценахъ Европы и Америки,—страна, которую справедливо можно назвать царицею танцевъ, такъ же какъ считается она царицею музыки, живописи, архитектуры и ваянія.

Артистка, о которой идетъ рѣчь, родилась въ Вогерѣ, прелестномъ маленькомъ городкѣ Ніемонта. Еще ребенкомъ выказала она большія способности къ танцовальному искусству и была отдана въ ученіе г. Шушу, профессору танцевъ Туринской Академіи. Успѣхи дѣвочки были быстры и блистательны; знатоки искусства рѣшили, что она можетъ ожидать самой лучшей будущности, и это единодушное мнѣніе побудило родителей ея поручить дальнѣйшее ея образованіе Карлу Блази (Blasis), профессору Академіи танцевъ и пантомимы въ Миланѣ. Школу Блази французскіе и англійскіе публицисты давно уже прозвали *разсадникомъ Терпсихоры*;—и въ самомъ дѣлѣ, изъ этой самой школы вышли всѣ хореграфическія знаменитости настоящей эпохи, г-жи Тальони, Розати, Беретта, Пріора, Гризи, Черрито, Фуоко, Флора Фабри, Тьерри, Куки и проч. Г. Блази скоро угадалъ, какую пользу искусства можно извлечь изъ молодой ученицы, ввѣренной его попеченію; онъ обратилъ на нее особенное вниманіе и занялся ея образованіемъ съ тою горячностью, которая одинаково дѣлаетъ честь его личному характеру и таланту. Занятія продолжались, и когда учитель убѣдился въ томъ, что ученица въ состояніи съ

честью поддержать славу его заведенія,—когда онъ уже былъ вполне увѣренъ въ ея будущности, онъ благословилъ ее на первый дебютъ.

Осенью 1844 года, будучи всего четырнадцати лѣтъ г-жа Феррарисъ дебютировала въ первый разъ на миланскомъ театрѣ ла Скала въ *pas de deux* съ г. Меранте. Это *pas* было сочинено самимъ г. Блази, которому натурально хотѣлось выказать въ должномъ блескѣ талантъ своей ученицы. Первый дебютъ г-жи Феррарисъ удался вполне, такъ что ее тотчасъ же пригласили на весь сезонъ. Вслѣдъ за тѣмъ ее пригласили на четыре года въ Неаполь на театръ Сан-Карло, и каждый годъ жалованье ея все возрастало, чего, надо замѣтить, никогда не допускалось для другихъ танцовщицъ. Будучи въ Неаполь, г-жа Феррарисъ создала множество ролей; хореграфы—Тальони, Бриоль, Кортези, Цица, написали для нея балеты: *Tirsi e Fillide*, *Vedova scaltra*, *Regina delle rose*, *Nadilla*, *Fiorita*, *Armida* и *Ondina*. Триумфы замѣчательной танцовщицы были самые значительные, такъ что дворъ, который уже давно избѣгаетъ посѣщать бенефисные спектакли, удостоилъ своимъ посѣщеніемъ ея бенефисъ и даже прислалъ ей въ подарокъ прекрасный браслетъ, осыпанный брилліантами и драгоценными жемчужинами.

Въ 1849 году, во время карнавала, г-жа Феррарисъ посѣтила Королевскій Театръ въ Туринѣ. Соотечественники танцовщицы, справедливо гордясь ея заслуженною извѣстностью, приняли ее съ восторгомъ; балетъ: *Diana e Endimione*, въ которомъ она исполнила главную роль, былъ принятъ Туринцами со всевозможными знаками живѣйшей симпатіи. Изъ Туринна г-жа Феррарисъ поѣхала въ Геную, гдѣ создала двѣ новыя роли въ балетахъ: *Encantadora di Madrid* и *Amante Zeffiro*, а въ 1850 и 52 годахъ танцевала на лондонскомъ Театрѣ Королевы, сначала съ г-жами Карлотою Гризи и Маріею Тальони, а потомъ съ г-жею Кароліною Розати; трудно представить себѣ болѣе-артистическое соединеніе талантовъ; г-жа Феррарисъ нашла здѣсь достойныхъ себя соперницъ. Въ Лондонѣ же былъ сочиненъ для нея, г. Павломъ Тальони, балетъ *Isola degli Amori*; кромѣ того она танцевала въ балетахъ: *Ballerina in viaggio* и *Delizie del serraglio*, и особенно отличилась въ *Pas des trois Grâces*, исполненномъ ею съ г-жею Гризи, а потомъ съ г-жею Розати. Въ 1852 году, весною, она танцевала на Театрѣ Каринтійскихъ воротъ въ Вѣнѣ и возбудила рѣшительный восторгъ въ *Gissella* и *Odetta*. Лѣтомъ 1852 и 1853 года ее приглашали въ Виченцу; здѣсь хореграфъ Вiotти сочинилъ для нея балетъ *Ileria*, имѣвшій полный успѣхъ не только въ Виченцѣ, но еще и въ Равеннѣ, Синигальи и Римѣ. Осенью театръ ла Скала снова увидалъ г-жу Феррарисъ; она прибавила къ своему репертуару балеты: *Diavoletta* и *Paquita*; наконецъ въ карнавалъ 1854 и 55 годовъ она заключила контрактъ съ театромъ Аполло въ Римѣ, лѣтомъ же ѣздила во Флоренцію, гдѣ прежній ея учитель, Карлъ Блази, поставилъ для нея замѣчательный балетъ *Raffaello e Fornarina*. Послѣ того г-жа Феррарисъ въ третій разъ посѣтила Римъ, во время карнавала, создала главную роль въ балетѣ г. Рота—*il Giocatore*, заслужила громкія рукоплесканія въ *pas de deux* съ г. Ленри и наконецъ

возобновила балетъ *Heria*. Энтузіазмъ, возбужденный г-жею Феррарисъ въ этомъ балетѣ, выразился тѣмъ, что составилось общество, большею частію изъ особъ лучшаго круга, и поднесло ей ея бюстъ, сдѣланный изъ мрамора, и еще статуетку, представляющую ее въ этой роли. Въ прощальномъ спектаклѣ ей поднесли два вѣнка; одинъ изъ нихъ, золотой и очень дорогой, имѣлъ на себѣ слѣдующую лестную надпись: «Римляне славнѣйшей изъ танцовщицъ, соперницѣ Эльсеръ». Въ этотъ вечеръ г-жу Феррарисъ вызвали двадцать два раза. Публика какъ нельзя болѣе желала, чтобы она осталась въ Римѣ, но честолюбіе артистки, впрочемъ совершенно понятное при такомъ талантѣ, побудило ее принять ангажементъ Императорской Парижской Академіи.

Итальянскіе, нѣмецкіе и англійскіе журналы конечно не менѣе публики старались воздать должную хвалу знаменитой танцовщицѣ. Г-жа Феррарисъ, говорили они, рождена для танцевъ, какъ цвѣты родятся для благоуханія: танцы ея имѣютъ силу слова и языкъ ихъ полонъ одушевленія и поэзіи. Прекрасная станомъ и лицомъ, изящная въ движеніяхъ, она идеализируетъ танцевальное искусство и доводитъ его до невѣданнаго еще совершенства. Быстрая, легкая, смѣлая въ движеніяхъ, она имѣетъ дивный даръ соединять обѣ школы, старую и новую; газета *Sun* называетъ ее *богиней танцевъ*. Станъ ея, стройный, гибкій, исполненный благородства, легко слѣдитъ за всѣми фантазіями хореографа; лице ея пріятно и выразительно; черные, блестящіе глаза насильно чаруютъ зрителя, а сила носковъ дала поводъ назвать ее танцовкою съ стальными ногами.

Когда г-жа Феррарисъ танцуетъ, писали въ итальянскихъ журналахъ, она походитъ на цвѣтокъ, колеблемый легкимъ вѣтеркомъ, она какъ-будто потируетъ на полу мотивы acompанирующей ее мелодіи; ея движенія, ея па, ея позы, такъ сказать, сольфируютъ каждую ноту, каждый тактъ исполняемой музыки; любовито и вмѣстѣ очаровательно видѣть это тѣсное и превосходное соединеніе музыки и хореографіи. Во время пребыванія г-жи Феррарисъ въ Лондонѣ, *Morning-Chronicle* не зналъ какъ и расхвалить классическое совершенство ея школы, удивительную вѣрность всѣхъ движеній, прелесть стіля.

Особенно замѣчательна г-жа Феррарисъ въ *ballon*; въ это время она дѣлается почти безтѣлеснымъ, какимъ-то неземнымъ, воздушнымъ существомъ, и летаетъ, едва касаясь пола своими крыленными ногами. Г. Блази, желая въ немногихъ словахъ очертить портретъ этой очаровательной сильфиды, говоритъ въ одномъ своемъ стихотвореніи:

Telle, en versant le nectar et la joie,
D'un pas léger, sur la voûte des cieus,
La jeune Hébé danse aux festins des dieux *).

Когда дошло дѣло до дебютовъ г-жи Феррарисъ на театрѣ Большой Оперы, многіе изъ обычныхъ посѣтителей балага нахмурились и приняли серьезный, сосредоточенный видъ:—для нихъ много значить пріемъ новой танцовщицы; дать право на знаменитость — дѣло немаловажное.

Эти господа, эти судьи и цѣнители хореографическихъ талантовъ никогда не выказываютъ своего неудовольствія; за-то молчаніе ихъ равносильно хулѣ, а неподвижность — остракизму. Г-жѣ Феррарисъ приходилось держаться крѣпко! Она ѣхала въ Парижъ предшествуемая громкой извѣстностью, которая всегда дѣлаетъ публику требовательнѣе; ей предстояло изгладить блестящія воспоминанія, сравняться, или даже превзойти цѣлый рядъ прелестныхъ сильфидъ, царствовавшихъ до нее на той же сценѣ и предъ тою же публикой. Все это было сдѣлано, едва она появилась на сценѣ и протанцовала первое па.

И между тѣмъ знатоки и любители балетовъ заранее готовились не быть снисходительными. Они считали себя сильными, потому что вдоволь насмотрѣлись на всякаго рода знаменитостей. Они видѣли, удивлялись и аплодировали Мариі Тальони—поэзии и граціи идеальной, Фанни Эльсеръ—олицетворенному сладострастію, Карлоттѣ Гризи—совершенству, Фанни Черрито—воплощенному соблазну, Каролинѣ Розати—очаровательной мимикѣ, великой артисткѣ, соединенію ума, вкуса и одушевленія. Каждый изъ этихъ замѣчательныхъ талантовъ имѣлъ своихъ поклонниковъ, своихъ прозелитовъ, которые, вооружась техническими выраженіями и восхищаясь совершенствомъ той или другой стороны искусства прежнихъ танцовщицъ, заранее были готовы найти г-жу Феррарисъ далеко ниже ихъ.

Она дебютировала въ *Эльфахъ*, 11-го августа 1856 года. Это былъ балетъ лѣтній, значить такой, на который трагиться много нельзя и въ которомъ поэтому не бываетъ ни блестящихъ костюмовъ, ни восхитительныхъ декораций. Г-жа Феррарисъ могла разчитывать только на свой талантъ, и его оказалось даже слишкомъ достаточно. Едва успѣла она начать свое па, какъ стало ясно, что родъ ея воздушные танцы. Публика рѣшительно пришла въ изумленіе, — да и было отъ чего. Г-жа Феррарисъ, съ легкостью снѣжинки, пуха, листочка, наконецъ всего, что легко и граціозно, подымалась безъ всякаго труда, опускалась безъ малѣйшаго шума. Она едва касалась пола кончикомъ своей дивной ножки, болѣе, казалось, по капризу и безпечности, нежели по необходимости. Тѣло ея принимало положенія, которыя повидимому противорѣчили законамъ равновѣсія, и между тѣмъ ничто не могло быть чище, пріятнѣе и воздушнѣе линій и контуровъ ея тѣла. Какъ антично хороша, какъ очаровательна была она въ своихъ анданте! Новая, блестящая, смѣлая варіація плѣняла и изумляла всѣхъ своею граціозностью, чистотою отдѣлки и удивительною быстротою. Этотъ спектакль былъ полнымъ торжествомъ для г-жи Феррарисъ.

Сначала ее пригласили всего на годъ, но послѣ перваго дебюта посѣдители предложили очень выгодный ангажементъ и на слѣдующій 1858 годъ. Балетъ *Марко-Спада* былъ данъ 1-го апрѣля 1857 г. Здѣсь г-жѣ Феррарисъ пришлось выдержать борьбу съ другою знаменитою танцовщицею, другою любимницею парижской публики, — и она вышла съ честью изъ этой борьбы. Г-жа Феррарисъ постоянно была главною поддержкою Большой Оперы въ критическія минуты ея существованія. Ея дебютъ, послѣдующія

*) Такъ, разливая по чашамъ нектаръ и съ нектаромъ радость, Легкой стопою, на сводѣ высокаго, свѣтлаго неба, Юная Геба танцуетъ въ собраньи безсмертныхъ боговъ.

появленія на сценѣ, новыя роли, или возобновленія прежнихъ,—все это случалось среди лѣта, значить въ самое неблагопріятное время, и между тѣмъ имя г-жи Феррарисъ на афишѣ всегда собирало полный театръ, всегда было ручательствомъ за занимательность спектакля.

Когда публика убѣдилась въ огромныхъ достоинствахъ новой артистки, то сдѣлалась еще требовательнѣе, но неподражаемая артистка всегда являлась выше ожиданій. Танцоръ, дѣло котораго на театрѣ—поддерживать и поднимать танцовщицу, можетъ сложить руки, когда танцуетъ г-жа Феррарисъ. Чтобы склониться, ей не нужно никакой опоры, и не нужно чужихъ рукъ для того, чтобы снова подняться и летѣть далѣе; она поворачивается на поскѣ пять и шесть разъ, и всегда до-пелъзя точно и быстро. Соединеніе ловкости и силы—вотъ характеръ ея таланта. Въ легкости ей нѣтъ подобныхъ. Хотѣли видѣть, въ какой мѣрѣ можетъ быть замѣтенъ шумъ отъ ея ногъ во время танцевъ и съ этою цѣлью откинули сначала литавры, потомъ мѣдъ, басы, скрипки, почти весь оркестръ, оставивъ для акомпанимента только флейту или арфу. Любопытство при этомъ испытаніи было возбуждено до послѣдней степени, молчаніе было полное,—и что же?—слышался только слабый акомпаниментъ инструмента и больше ничего; г-жа Феррарисъ танцевала не громче тѣни! О громадномъ успѣхѣ ея въ балетѣ *Сакунтала*, мы уже писали.

Въ прощальномъ спектаклѣ, передъ отъѣздомъ въ Петербургъ, публика выказала еще болѣе сочувствія къ своей любимой танцовщицѣ. Ее вызывали, аплодировали, снова вызывали, закидали букетами и кто-то бросилъ вѣнокъ изъ искусственныхъ цвѣтовъ, упавшій къ самымъ ногамъ артистки, которая казалась очень-т онуюто вниманіемъ и любовью публики. Въ началѣ сентября она поѣхала сюда, теперь находится здѣсь, а къ февралю снова вернется во Францію.

ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЯ ПѢВНИЦЫ.

Г-жа Грассини (M-me GRASSINI).

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ Парижѣ умерла въ преклонныхъ лѣтахъ пѣвица, давно сошедшая со сцены. При этомъ извѣстии большая часть газетъ ограничилась слѣдующимъ объявленіемъ: «Г-жа Грассини, давно окончившая съ блескомъ свою артистическую карьеру, умерла на-дняхъ въ своемъ загородномъ домѣ, въ нѣсколькихъ лѣе отъ Парижа.» Эта пошлая фразеологія была единственнымъ надгробнымъ словомъ почтенной артисткѣ, которая своимъ талантомъ и успѣхами возбудила вниманіе въ концѣ прошлаго столѣтія и въ началѣ нынѣшняго. Журналисты даже не почтили ея памяти некрологомъ. Представимъ здѣсь краткій очеркъ этой талантливой пѣвицы, незаслуживающей такого невниманія со стороны журналистовъ.

Жозефина Грассини родилась въ Венеціи, въ 1773 году, и съ раннихъ лѣтъ выказала большія способности; но семейство ея, находясь въ крайней бѣдности, не могло дать ей приличнаго воспитанія, и вѣроятно Жозефина навсегда бы осталась бѣдной швейей, еслибъ одно неожиданное обстоятельство не облегчило ея горькую участь.

Въ то время въ Италиі еще существовали богатые и сильные аристократы, которые любили и покровительствовали искусству. Эти велможи старались превзойти другъ друга, покровительствуя драматической музыкѣ, и не жалѣли денегъ, чтобы дать ей должное направленіе. Между ними отличался генералъ Бельджіозо, оставившій въ лѣтописяхъ итальянской войны неизгладимыя воспоминанія. Генералъ увидѣлъ Жозефину, которой тогда едва минуло четырнадцать лѣтъ, удивился ея музыкальнымъ способностямъ и занялся ея образованіемъ.

Въ то время Миланская консерваторія была въ полной силѣ; заведеніе это славилось знаменитыми учителями, около которыхъ толпилась пылкая и страстная юность, полная вѣры и восторга ко всему прекрасному. Маленькая protégée генерала Бельджіозо заняла одно изъ первыхъ мѣстъ между лучшими ученицами консерваторіи и, благодаря своимъ рѣдкимъ способностямъ и тонкому вкусу, скоро постигла всѣ тайны искусства.

Голосъ г-жи Грассини, звучный и сильный контральтъ, былъ необыкновенно обширенъ въ высокихъ нотахъ; выразительный и симпатичный органъ молодой пѣвицы безъ труда принималъ всѣ оттѣнки страстнаго пѣнія, а въ веселыхъ, живыхъ аріяхъ выказывалъ такое *brio* и гибкость, что нельзя было довольно надивиться. Никогда еще такой многосторонній талантъ не соединялся съ такою богатой вокализацией.

Всѣ эти превосходныя качества выказались въ полномъ блескѣ на сценѣ театра *ла Скала*, гдѣ г-жа Грассини дебютировала въ 1794 году. Она пѣлась Маркези и теноромъ Лаззарини въ оперѣ Цингарелли: *Artaxerse*, и въ *Демофонтѣ* Портогалло. Съ перваго дебюта она стала въ ряду величайшихъ пѣвицъ Италиі и никто не оспоривалъ ея превосходства, что большая рѣдкость въ странѣ, гдѣ знатоки имѣютъ право быть строгими.

Многіе импрессарио дѣлали молодой пѣвицѣ самыя выгодныя предложенія и пребываніе ея въ главныхъ городахъ Пирнейскаго полуострова было рядомъ непрерывныхъ овацій. Но Грассини постоянно предпочитала миланскую сцену, гдѣ начала свою артистическую карьеру, веѣмъ другимъ, и когда во время карнавала прекрасная пѣвица появилась снова въ 1796 г. на сценѣ *ла Скала*, то была принята съ энтузіазмомъ. Довольно посредственная опера Цингарелли: *Ромео и Юлія*, была обязана ей необыкновеннымъ успѣхомъ, которымъ пользовалась въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ.

Въ 1797 г. Грассини пѣла на театрѣ *Фениче* въ Венеціи. Занимая роль Горачія въ оперѣ Чинмарозы, талантливая примадонна удивительно выказала всѣ оттѣнки и поэтическія вдохновенія этой граціозной и вмѣстѣ страстной музыки; но всего удивительнѣе то, что она восхитила публику, не прибѣгая къ разнымъ *tours de force* и преувеличеннымъ фіоритурамъ. Грассини была въ Миланѣ, когда побѣдитель при Маренго прибылъ въ этотъ городъ. Восхитительный голосъ пѣвицы произвелъ такое сильное впечатленіе на Наполеона, что онъ пригласилъ ее въ Парижъ. Грассини исполнила желаніе перваго консула и не раскаивалась въ своемъ послушаніи.

Съ перваго времени пребыванія въ Парижѣ Грассини

коротко сошлась съ пѣвцомъ Гара, который своими совѣтами имѣлъ большое вліяніе на ея талантъ.

Тридцать лѣтъ сряду Гара былъ любимымъ салоннымъ пѣвцомъ. Ни одинъ изъ итальянскихъ виртуозовъ, участвовавшихъ въ духовныхъ концертахъ, не могъ затмить или поколебать его извѣстность. Природа одарила его особенной музыкальной организаціей. Гара не отличался превосходнымъ органомъ, но въ голосѣ его было столько чувства, столько методы и искусства, что нельзя было наслаждаться его пѣніемъ. Гара въ совершенствѣ пѣлъ итальянскую, нѣмецкую и французскую музыку и долгое время оживлялъ концерты, даваемые на театрѣ Фейдо.

Гара необыкновенно заботился о своемъ голосѣ и всѣми силами старался сохранить его свѣжесть. Воздержный отъ природы, онъ отказывалъ себѣ въ слишкомъ-сытнѣйшей и горячительныхъ напиткахъ. Въ тотъ день, когда ему приходилось пѣть, Гара довольствовался однимъ только свѣжимъ янцомъ и обрекалъ себя на совершенную пѣмоту. Но онъ дорого заставлялъ платить за свое пѣніе, капризамъ его не было конца, такъ напр. Гара никогда не соглашался пѣть въ комнатѣ, оклеенной обоями, съ завѣсами у оконъ, увѣряя, что оттого теряется голосъ, и чтобъ угодить ему, часто приходилось опустошить совершенно цѣлую комнату.

Гара былъ не только неподражаемый пѣвецъ, но и прекрасный профессоръ. Г-жа Грассини, жаждущая усовершенствоваться своей талантѣ, скоро поняла методу великаго артиста.

По приѣздѣ въ Парижъ талантъ Грассини еще болѣе развился. Въ то время все преклонялось передъ могучимъ гениемъ Наполеона; все обновлялось и перерождалось около него: промышленность, науки, искусства. Музыка также была въ большой славѣ; театры и концерты наполнялись до вѣрзья. Грассини играла важную роль въ пышныхъ празднествахъ, прославившихъ періодъ консульства и имперіи.

Вскорѣ по прибытіи своемъ въ Парижъ Грассини участвовала въ большомъ національномъ празднествѣ, бывшемъ 22 іюля 1800 г. на Марсовомъ Полѣ. Это великолѣпное торжество соединило все, что восхищаетъ зрѣніе и увлекаетъ воображеніе. Храбрые воины Маренго собрались привѣтствовать своего вождя и чудную картину представляли эти ратники съ загорѣлыми лицами, съ выразительными чертами, съ своими блестящими касками, не сводившіе глазъ съ обожаемаго героя, который своимъ могучимъ голосомъ и магическимъ взглядомъ такъ часто помогалъ имъ одержать побѣду. Это въ полномъ смыслѣ грандіозное торжество не обошлось безъ музыки. Оркестръ, составленный изъ восьмисотъ музыкантовъ, прекрасно исполнилъ военные марши, написанные Госсексомъ нарочно на этотъ случай. Великіе артисты той эпохи старались превзойти другъ друга. Извѣстный въ то время пѣвецъ Лансъ выказалъ всѣ средства своей удивительной вокализациі, всѣ порывы своей симпатичной души. Грассини не отстала отъ своего собрата по искусству и вызвала восторженные рукоплесканія.

Она дала два концерта въ Музыкальной Академіи, на

которые собралось избранное общество и многіе знатные иностранцы. Особенно во второй вечеръ стеченіе публики было необыкновенное; несмотря на истинно тропическій жаръ, зала наполнилась за часъ до концерта. Восторгъ слушателей не имѣлъ границъ; Парижане не могли довольно насладиться этого гибкаго, звучнаго голоса, соединеннаго съ превосходной методой и драматическимъ искусствомъ.

Грассини могла бы занять первое мѣсто на одной изъ лирическихъ сценъ Парижа, но она мало знала французскій языкъ; произношеніе ея было также несовершенно, чтобы участвовать во французской оперѣ. Съ другой стороны итальянская опера въ Парижѣ не давала серьезныхъ произведеній, могущихъ выставить въ полномъ блескѣ драматическое и страстное пѣніе знаменитой пѣвицы.

Грассини уѣхала изъ Парижа въ Германію, получивъ великолѣпные подарки отъ Наполеона. Остановясь на время въ Берлинѣ, Грассини отправилась въ Лондонъ въ 1802 году, ангажированная на полгода съ жалованьемъ въ три тысячи фунтовъ стерлинговъ. Два года, проведенные въ Лондонѣ, доставили ей много овацій.

Между тѣмъ, во время отсутствія знаменитой пѣвицы, въ Парижѣ совершились важныя политическія происшествія. Гений и слава основали имперію, положившую конецъ долгимъ смутамъ и возвратившую Франціи прежнее благоденствіе. Наполеонъ считалъ изящныя искусства вѣнцомъ общественнаго возрожденія. Музыка сдѣлалась его любимѣйшимъ занятіемъ и всѣ превосходные голоса Италіи были призваны въ Парижъ участвовать въ празднествахъ и драматическихъ представленіяхъ при Дворѣ. Имена Крементини, Таккинарди, Кривелли, доказываютъ, съ какою превосходною разборчивостью Наполеонъ выбиралъ артистовъ для своего удовольствія. Большая часть этихъ артистовъ заключили условія съ другими иностранными странами, но императоръ, которому ничто не сопротивлялось, легко восторжествовалъ надъ преніятствіемъ и артисты были похищены совершенно по военному у Дрезденскаго, Вѣнскаго и Мюнхенскаго Дворовъ.

Грассини была ангажирована къ театру и концертамъ Двора Франціи съ жалованьемъ въ 36 тысячъ фр., не считая 15 тысячъ въ видѣ подарка,—сумма очень значительная въ то время.—Многія партитуры сочинены нарочно для нея. Изъ ролей, которыя Грассини пѣла въ Тюльери и въ Сентъ-Клу, назовемъ роль *Дидоны*, къ которой Фердинандъ Пэръ написалъ музыку. Можно справедливо сказать, только благодаря таланту Грассини опера этого композитора имѣла успѣхъ, не отличаясь ни новостью мотивовъ, ни красотой мелодическихъ вдохновеній.

Не менѣе превосходна была Грассини въ произведеніяхъ стариннаго репертуара. Въ *Эдипѣ* Саккони драматическое чувство и сильная игра выказали въ ней пѣвицу глубоко изучившую великія преданія послѣдняго столѣтія.

Въ свѣтѣ г-жа Грассини была очень весела, любезна и непринужденна. Она не была завистлива, всегда съ радостью помогала артистамъ,—настоящее призваніе которыхъ осталось бы навсегда неизвѣстнымъ; многіе обязаны ей своей извѣстностью и положеніемъ.

Слѣдующій анекдотъ, напечатанный въ 1833 году въ Cabinet de lecture, можетъ служить доказательствомъ добраго сердца знаменитой пѣвицы:

Однажды къ г-жѣ Грассини является молодая хорошенькая дѣвушка, съ очень умнымъ лицомъ, и проситъ ея покровительства. Молодая дѣвушка только-что вышла изъ консерваторіи, хорошо играла на фортепіано, сильно желала сдѣлаться извѣстной и предложила Грассини показать различіе своего искусства.

— Моя милая, отвѣчала знаменитая пѣвица съ обыкновенной своей привѣтливостью, я васъ уже полюбила и отъ всей души желала бы быть вамъ полезной, но, никогда не игравъ на фортепіано, не могу оцѣнить вашего таланта; не поете ли вы?

— Очень рѣдко.

— А любите пѣніе.

— Очень!

— Можете ли вы легко выдерживать звукъ?

— Могу, и увѣряю васъ, не пахожу большого достоинства въ хорошемъ пѣніи; мнѣ кажется, что это очень легко.

Грассини съ удивленіемъ взглянула на молодую дѣвушку; прошеская улыбка мелькнула на ея губахъ и она сухо возразила:

— Вы очень небрежно отзываетесь объ искусствѣ, требующемъ глубокихъ изученій и тайну котораго не могли постигнуть многіе знаменитые артисты.

— Я не думала оскорбить васъ, отвѣчала незнакомка, я только хотѣла сказать, что легко запоминаю аріи, которыя слышала разъ.

— Въ самомъ дѣлѣ?—хорошо! посмотримъ, запомните ли вы этотъ отрывокъ.

И Грассини запѣла арію изъ *Тайнаго Брака* со всегдашнимъ своимъ искусствомъ и выраженіемъ. Едва она кончила, какъ молодая дѣвушка взяла ноты и исполнила ту же арію съ безукоризненною вѣрностью, не пропустивъ ни одной фіоритуры, ни одной ноты прекрасной мелодіи.

Знаменитая пѣвица была виѣ себя отъ удивленія и повторила опытъ до трехъ разъ. Она пропѣла три самыя трудныя аріи, и незнакомка повторила ихъ всѣ, съ увѣренностью, съ рѣдкою гибкостью вокализациі.

Въ пылу удивленія Грассини обняла нѣсколько разъ молодую дѣвушку и сказала:

— Оставьте фортепіано; ваше мѣсто на одной изъ нашихъ лирическихъ сценъ; вы непременно прославитесь!

Дѣвушка, къ которой относилось это предсказаніе, была Агата Дискамель, которая сдѣлалась нѣсколько лѣтъ спустя одной изъ знаменитостей Комической Оперы, подъ именемъ г-жи Гаводанъ, и всегда вспоминала съ благодарностью о благородной пѣвицѣ, указавшей ей настоящее ея назначеніе.

Событія, низвергнувшія императорскіи тропъ, принудили Грассини оставить Францію, гдѣ она пользовалась такою славой. Прекрасная пѣвица возвратилась въ Италію и дала нѣсколько концертовъ въ Миланѣ въ 1817 году. Но Грассини обладала качествомъ, очень рѣкимъ у артистовъ: разсудительностью, и поняла, что пора оставить сцену.

Парижъ, гдѣ протекли лучшіе годы ея карьеры, былъ

всегда ей дорогъ. Грассини выбрала въ окрестностяхъ столицы прелестный удивленный уголокъ. Тамъ угасла одна изъ лучшихъ пѣвицъ, которою Италія въ правѣ гордиться. Грассини успѣла силою таланта возстановить старинную школу пѣнія. Къ сожалѣнію, она оставила сцену именно въ то время, когда звѣзда Россіи блестѣла на горизонтѣ музыкальнаго міра, и не могла помочь развитію новой школы, основанной гениемъ знаменитаго маэстро.

ПИСЬМО СЪ ТОГО СВѢТА КАВАЛЕРА ГЛУКА КЪ Г. ЛАМАРТИНУ.

Элисейскія Поля, 17-го сентября 1858 г.

Милостивый Государь!

Не подумайте, что на томъ свѣтѣ мы проводимъ время не занимаясь тѣмъ, что дѣлается и пишется у васъ на землѣ. Послѣдніе пришельцы всегда передаютъ намъ всѣ новости поэтическія, музыкальныя, политическія, военныя и проч., и мы съ жадностью читаемъ все, что издается на вашей бѣдной землѣ.

Одинъ музыкантъ, переселившійся на прошлой недѣлѣ къ нашимъ мрачнымъ берегамъ, привезъ съ собою вашъ *Музыкальный этюдъ о Моцартѣ*. Чтеніе его произвело совершенное возстаніе въ той части Элисейскихъ Полей, гдѣ обитаютъ тѣни величайшихъ композиторовъ прошлаго столѣтія, а также и того, въ которомъ вы имѣете счастье жить. Самъ Каронъ, котораго несчастный Нурри познакомилъ съ прелестной музыкой Индермейера, внушенной ему вашимъ *Озеромъ*, сталъ въ главѣ недовольныхъ. Старый переводчикъ сдѣлался меломаномъ и не перевезетъ ни одной тѣни въ своей баркѣ, не напѣвая ей: *Dis moi, t'en souviens tu?*—что не мѣшаетъ ему однако требовать своего обота за перевозъ. Сознаюсь откровенно, Каронъ сильно вознегодовалъ противъ вашего поэтическаго намѣренія соединить поэзію съ музыкой! По его мнѣнію союзъ этотъ незаконный...

Греческіе поэты древности также были недовольны вашимъ рѣшеніемъ, которое однимъ штрихомъ пера лишаетъ ихъ чести считаться въ свое время поэтами и вмѣстѣ музыкантами. Мы не безъ причины, говорили они, начинали наши поэмы таинственными словами. *Пою: (Je chante!)*. Чтобъ подтвердить эти слова, надобно всетаки быть болѣе или менѣе плохимъ музыкантомъ. Руже де Лиль, одинъ изъ *современныхъ*, обязанный своимъ безсмертіемъ *незаконному союзу* поэзіи и музыки, хотѣлъ вамъ отвѣчать и даже прислать вызовъ, но я успокоилъ бывшаго артиллерійскаго поручика, обѣщавъ написать вамъ вмѣсто него. Мои лѣта, привычки придворнаго человѣка и особенно мои труды давали мнѣ на то право;—что я говорю?—это была моя обязанность; но въ качествѣ кавалера *Золотой шпору* я не употреблю во зло моей обязанности и буду вѣжливъ.

Вы говорите, любезный и благородный поэтъ, что *слово—копецъ, а музыка—безконечность*, и полагаете, что симфонія чистѣйшее и единственное выраженіе музыкальнаго искусства? Такое мнѣніе сильно порадовало бы Гайдна, Моцарта и Бетховена. Но эти три великіе свѣтильника нѣмецкой музыки писали, какъ вамъ извѣстно, произведенія чисто

инструментальные: кантаты, оратории, мессы, мелодии и оперы.

Удивляюсь, как правдивый поэт как вы, по крайней мере в первых ваших произведениях, решился распространять такое ошибочное мнение. Что стало бы с католическим богослужением, не говоря уже о догматах иудейских и протестантских, если бы ваше мнение одобрили при Римском дворе?

Начиная с песни кормилицы, ублаживающей поворожденного, до мелодических степеней оперных героев приводящих в восторг взрослого человека, в мире искусства существует таинственная гамма, которая все больше и больше расширяется. Эта дивная мелодическая спираль, поднимается от порога скромной хижины как финиамъ къ престолу Всевышнего, где серафимы поют вечное *Осанна*, преклоняясь перед божественным величием.

Согласитесь, что поэзия, которой вы так усердно поклоняетесь, большая ревнивица и желала бы, при вашем содействии, видеть у ног своих всех людей без исключения. Что до меня касается, то я вижу в лирической поэме, любимой вами, падшего ангела, которому практика возвращает крылья, и нахожу неблагодарным с вашей стороны, делать из нея родъ свинцовой тяжести, которую музыканты обязаны, ради толпы, привязывать къ своим нотамъ, чтобы удержать ихъ на землѣ и не допустить улетѣть слишкомъ высоко, или слишкомъ далеко въ небесное пространство.

Comment en un plomb vil l'or pur s'est-il changé? сказалъ одинъ изъ вашихъ предковъ Парнасса, прочитавъ этотъ звучный стихъ, который однако грешитъ противъ истины, вдохновлявшей всехъ великихъ композиторовъ в продолжении двухъ столетий, то есть, от *Эвридики Царе* до *Пророка Мейербеера*!

Я знаю, что поэзия по своимъ чистымъ формамъ, написанная вашимъ перомъ, можетъ обойтись безъ музыки; но *Кино*, *Метастазіо*, все лирические поэты, ихъ послѣдователи, или скорѣе соперники, не такъ думаютъ, какъ вы, и, не бывъ аристократами, подобно автору *Размышлений*, не соглашаются что «*ce n'est que pour le vulgaire qu'un art se popularise en se mesallant.*» Они даже осмѣливаются думать, что безъ знанія музыки ихъ лучшія страницы остались бы безцѣльны. Вы осуждаете также соединеніе живописи и хореографіи со стихами и этимъ *velo* уничтожаете оперу, самое полное и лучшее созданіе современной эпохи! оперу, которой начало положили древніе Греки, введя на древнюю сцену хоры, производившіе сильный эффектъ; оперу, представляющую въ грандіозномъ объемѣ, все, что человеческое искусство придумало, чтобы восхищать и пленять наши чувства!

Если бы вы вздумали писать критику о поруганіи музыки, когда изъ этого высокаго искусства дѣлаютъ фарсъ, разгульную пѣсеньку или комическую оперетку, вы оказали бы большую услугу современнымъ музыкантамъ, съ удовольствіемъ читающимъ ваши произведения; но уничтожить оперу! О! г. *Ламартинъ*! во имя *Донъ-Жуана*, бессмертнаго произведенія музыкальнаго искусства настоящаго, прошедшаго и будущаго, сознайтесь въ вашей ошибкѣ.

Я слишкомъ скромнень, чтобы напоминать вамъ о своихъ произведенияхъ, но позвольте композитору, написавшему *Телемака*, *Норму*, *Альсеста*, двухъ *Ифигеній* и *Аржиду*, ограничиться многозначительнымъ молчаніемъ. Повторяю, исправьте скорѣе зло, сдѣланное вашимъ *Этюдомъ о Моцартѣ*; зло это заброситъ сомнѣніе и горькое отчаяніе въ душу нашихъ молодыхъ соперниковъ. У насъ, въ Элисейскихъ Поляхъ, знаютъ, что ваши стихи противъ вашей воли положены на музыку композиторами, восторженными поклонниками изящныхъ искусствъ; также извѣстно намъ, что ваше *Озеро* потопило ихъ безвозвратно въ вашемъ предумо-

вѣтельномъ умѣ. Изъ любви къ истинѣ и всему прекрасному рѣшаюсь на заговорливую полемику съ вами.

Чтобы доказать музыкальному міру, что вы согласны со мной, надѣюсь вы напишете, въ видѣ новаго *Entretien musical*, великолѣпное либретто для великаго артиста, который, какъ вы справедливо замѣтили, родился въ то самое время, какъ умеръ *Моцартъ*, какъ будто *Провидѣніе хотѣло, чтобы голосъ и эхо ни на минуту не раздѣлялись в продолженіи цѣлаго столѣтія*. Ваше предпочтеніе къ инструментальной музыкѣ привело большое разстройство въ умахъ тѣней поэтовъ, обитающихъ въ Элисейскихъ Поляхъ. Де Жуи, сотрудникъ Россини, этого счастливаго *Моцарта*, какъ вы справедливо его называете, потерялъ совѣсть покой съ тѣхъ поръ какъ прочиталъ вашъ *Музыкальный этюдъ*; онъ очень недоволенъ, что написалъ либретто къ *Вильгельму Телю*, и въ своей отчаянн называетъ *Ипполита Биса* главнымъ зачинщикомъ въ этомъ дѣлѣ.

Однимъ словомъ, на берегахъ Ахерона только и мечтаютъ о симфоніи. Гайднъ, написавшій также нѣсколько оперъ, кается въ такой непростительной слабости; даже *Моцартъ* готовъ отказаться отъ своей *Свадьбы Фигоро*, а *Бетховенъ* очень вамъ благодаренъ за то, что вы накупали густой вуаль краснорѣчиваго молчанія на партитуру его *Фиделіо*.

Но *Церголезе*, *Гретри*, *Мегюль*, *Николо Веберъ*, *Герольдъ-Бозальде*, *Беллини*, *Десюверъ*, *Керубини* и *Доницетти* никакъ не соглашаются съ вами, и такъ какъ я раздѣляю ихъ мнѣніе, то и рѣшился прислать вамъ это длинное письмо. Оканчивая его, обещаю вамъ достойный васъ приемъ, когда явится въ царство тѣней. Желаю, чтобы это случилось какъ можно позже, хотя все мы будемъ очень рады васъ видѣть и поднести вамъ бессмертный вѣнокъ, украшающій чело великихъ поэтовъ, которыхъ сердце также превосходно, какъ и талантъ.

Примите увѣреніе и проч.
Кавалеръ Глюкъ.

ИНОСТРАННЫЙ ВѢСТНИКЪ.

Опера Галеви: *la Magicienne*, возобновлена на сценѣ Большой Парижской Оперы, для перваго выхода по возвращеніи изъ отпуска г-жи Лаугерсъ-Гемартъ. Прелестная пѣвица была принята, какъ всегда, съ громкими рукоплесканіями; ея пѣжный и серебристый голосъ еще сдѣлался звучнѣе и свѣжѣе послѣ трехмѣсячнаго отдыха; для роли поэтической *Бланки* нельзя желать лучшей исполнительницы. Г-жа *Борги-Мамо* по-прежнему прекрасно передаетъ несовершенную привлекательную личность *Мелюзины*. Наша граціозная соотечественница *Зина Ришаръ* возбуждала фуроръ въ *pas de deux*, въ *ливертисментѣ* третьяго акта. Вообще талантъ г-жи *Ришаръ* оцѣненъ по достоинству въ Лондонѣ и Парижѣ и лучшіе знатоки хореографическаго искусства ставятъ ее наряду съ первоклассными танцовщицами и предсказываютъ блестящую будущность. Ничѣмъ не лѣтъ г-жа *Ришаръ* отличилась въ Лондонѣ; директоръ Ковентгарденскаго Театра ангажировалъ ее на нѣсколько лѣтъ и поставитъ нарочно для нея новый балетъ. Какъ не порадоваться уснѣхамъ нашихъ русскихъ артистокъ за границей! Довольно приѣзжало къ намъ иностранныхъ знаменитостей, и надобно прибавить, всегда на склонѣ своего таланта, теперь мы въ свою очередь заставляемъ восхищаться иностранцевъ воздушными танцами нашей *Богдановой*, превосходной мимикой прелестной *Фридбергъ*, гибкостью и необыкновенной техникой *Ришаръ* и задушевнымъ пѣніемъ *Д. М. Леоновой*, познакомившей впервые иностранцевъ съ произведеніями незабвеннаго *Глинки* и которую поэтической *Ст. Жоржъ* прозвалъ драгоценнымъ алмазомъ Россіи. Но довольно говорить

о нашихъ русскихъ, обратимся снова къ иностраннымъ новостямъ и артистамъ. Гризи, которая кажется не скоро еще намѣрена покинуть оперную сцену, будетъ пѣть въ непродолжительномъ времени въ *Макбетъ*—Верди, въ первый разъ поставленномъ въ Парижѣ. Опера Россини: *Брускино*, возобновляется на театрѣ *Bouffes Parisiens*; также готовятъ мимологическую піесу: *Орфей*, съ великолѣпной обстановкой и съ музыкой Оффенбаха. Мы уже писали, что Французскій Театръ возобновилъ трагедію Софокла: *Эдипъ*. [Возобновленіе это было, какъ мы уже говорили, несовсѣмъ удачно; великій классикъ Вольтеръ, написавшій также трагедію *Эдипъ*, какъ бы предчувствовалъ, что Софоклъ много повредитъ ему, и при жизни своей употребилъ всѣ силы, чтобъ доказать, что трагедія греческаго поэта была дурно составлена, нелѣпа и неестественна. Вольтеръ старался сократить Софокла, какъ онъ сократилъ Шекспира и Корнеля. Г. Лакруа, молодой талантливый поэтъ съ любовью, стараніемъ и, главное, большимъ терпѣніемъ, перевелъ греческаго поэта довольно звучными стихами; но все же піеса не имѣла большого успѣха и не принесла большой пользы литературѣ. Постановка ея на сцену также не совсѣмъ вѣрна съ преданіями греческихъ трагедій: хоръ безъ всякой надобности прогуливается по сценѣ и декламируетъ стихи Софокла подъ музыку г. Машбре, а не поетъ, какъ это бывало прежде; артисты Французской Комедіи также отвыкли отъ панъщеніи декламации и греческихъ манній. За то имъ предстоитъ скоро случай выказать свое дарованіе въ піесѣ болѣе подходящей къ нынѣшнему вкусу и современнымъ требованіямъ. Неутомимый академикъ Скрибъ представилъ въ комитетъ Французскаго Театра новую комедію въ трехъ дѣйствіяхъ, подъ названіемъ: *Мечты молодой женщины*, а для театра *Gymnase Dramatique* пятиактную піесу: *Mademoiselle de Maurin*, не замедливъ въ свое время уведомить читателей объ этихъ новыхъ произведеніяхъ остроумнаго писателя. Многие упрекаютъ Скриба, что онъ успѣлся ради выгоды. Но кто же нынче не любитъ денегъ и не старается ихъ больше приобрѣсти? Эга общая человѣческая слабость, свойственная даже самымъ великимъ артистамъ, пламенно любящимъ свое искусство. Малибранъ, напримѣръ, согласилась пѣть на Дрюленскомъ Театрѣ въ Лондонѣ съ условіемъ получать 150 ф. стерлинговъ за каждый выходъ. Гризи получила за участіе на одномъ музыкальномъ празникѣ въ Нью-Йоркѣ 400 ф. стерлинговъ; Лаблашъ, которому пришлось пѣть только два раза, 150 ф. стерлинговъ. Композиторъ Гуммель оставилъ послѣ своей смерти 100 тысячъ талеровъ деньгами и множество драгоценныхъ подарковъ почти отъ всѣхъ европейскихъ дворовъ. Одинъ брилліантовыхъ перстней было до 26, 34 золотыхъ табакерки и 114 дорогихъ часовъ. Россини предлагали въ Италіи милліонъ франковъ за полгода, если онъ согласится пѣть партію *Фиаро*. Лаблашъ получалъ за одинъ урокъ пѣнія отъ англійской королевы 40 гиней. Знаменитая Тальони, во время пребыванія своего въ Петербургѣ, собрала въ прощальный бенефисъ 50 тысячъ. Въ этотъ же вечеръ покойный Государь Императоръ пожаловалъ ей великолѣпный вѣнокъ изъ незабудокъ, сдѣланный изъ брилліантовъ и бирюзы.—Рубини получилъ въ Римѣ за 24 представленія 36 тысячъ фр.—Паганини, который былъ несытень до денегъ, написалъ однажды пѣкоему г. Ловедю слѣдующее письмо:

«Г. Ловедей!»

Я, признаюсь, крайне удивленъ, что вы совсѣмъ забыли о вашемъ долгѣ. Такая разсѣянность съ вашей сто-

роны заставляетъ меня напомнить вамъ то, что было нельзя, кажется, забыть. Посылаю вамъ небольшой счетецъ, надѣюсь вы его уплатите немедленно. За двѣнадцать уроковъ, которыя я далъ вашей дочери, чтобъ показать ей первыя правила искусства, какъ придавать выраженіе музыкѣ и значеніе нотъ, слѣдуетъ мнѣ получить 2400 фр.; за, то что я игралъ у васъ восемь разъ лучшія мои музыкальныя сочиненія, 24 тысячи;—всего 26,400 фр.

Не прибавляю къ этому счету разныя наставленія о музыкѣ, которыя я давалъ вашей дочери за обѣдомъ и т. д.

«Никола Паганини.»

Въ Гаюверѣ вышли изъ печати послѣднія пѣсни Беранже, переведенныя на нѣмецкій языкъ Роденбергомъ.

Новый балетъ Тальони: *Положенія Флика и Флока*, имѣетъ необыкновенный успѣхъ на берлинской сценѣ; постановка его на сцену стоила дирекціи 28 тысячъ талеровъ.—Въ *Жидовкѣ* Галеви дебютировала молодая пѣвица г-жа Карль, одаренная большимъ голосомъ и прекрасной методой.

Рѣшительно нынѣшній годъ Баденъ не хочетъ окончить своихъ удовольствій и отнимаетъ до сихъ поръ еще не малое число иностранцевъ у Парижа и даже многихъ его жителей, да и какъ устоять противъ безконечныхъ и разнообразныхъ развлеченій, которыя неутомимый Веназе устрояетъ въ роскошныхъ залахъ своего *Théâtre de Conversation*.—Недавно разыграна тамъ хорошенькая оперетка Кормона и Фогеля: *le Nid de Cigogne*; это просто картина фламандскаго быта, простая, наивная, немного трогательная, немного смѣшная, приправленная игривой музыкой и очень дружно исполненная.—Изъ концертовъ, данныхъ въ послѣднее время, лучшими были: концертъ Алари и Эрнесты Гризи, родной сестры знаменитой пѣвицы. Въ первомъ принимали участіе нѣкоторыя любительницы: такъ г-жа Калержи сыграла вмѣстѣ съ Сивори большую сонату Бетховена, посвященную Крейцеру; г-жа Берингенъ пропѣла *Аделаиду* Бетховена съ рѣдкимъ чувствомъ; кромѣ того участвовали и нѣкоторые ученики Алари, своимъ талантомъ доказавшіе искусство учителя.—Г-жа Эрнеста Гризи, извѣстная преподавательница пѣнія въ Парижѣ, спѣла нѣсколько арій и между прочимъ балладу Мерн: *Le Revenant du vieux chateau*, положенную на музыку Мейерберомъ Извѣстно, что знаменитый маэстро уже давно живетъ въ Баденѣ и, кажется, не скоро думаетъ разстаться съ этимъ увлекательнымъ уголкомъ, тѣмъ болѣе что въ Баденѣ готовится скоро большая охота.

Зимній сезонъ въ Нью-Йоркѣ обѣщаетъ много новаго. Директоръ французской труппы Нью-Йорка набираетъ въ Парижѣ новыхъ актеровъ для драмы и водевиля. Итальянская опера также составляется, хотя еще положительно неизвѣстно, какіе артисты войдутъ въ составъ ея труппы. Поговариваютъ о пріѣздѣ французской пѣвицы г-жи Лабордъ; увѣряютъ также, что Лумлей думаетъ привезти Пикколомини и тенора Джульини, ангажированныхъ на самыхъ блестящихъ условіяхъ, по это покажетъ одинъ только слухи, за которые ручаться нельзя. Мюзаръ все еще въ Нью-Йоркѣ и даетъ по-прежнему свои концерты, собирая не малое количество долларовъ. Такимъ же матеріальнымъ успѣхомъ могутъ похвалиться Вьетанъ и Гальбергъ, уже возвратившіеся въ Европу. Г-жа де Лагранжъ, однако, не совсѣмъ осталась довольна своимъ директоромъ Ульманомъ и завела съ нимъ процессъ за уплату обѣщанной по контракту суммы.